

— Но не только научные проблемы обсуждались на наших семинарах. Разобравшись, наконец-то, с какой-нибудь задачей, устав и охрипнув от споров, мы шли пить кофе, благо кофеен вокруг было достаточно - у Петровского зала, в "академичке", под "восьмёркой", на филфаке и на истфаке, - и переключались на "злобы дня": делились впечатлениями от прочитанного, увиденного в кино, услышанного по "голосам" или от знакомых.

— И здесь порой затевались не менее бурные дискуссии. Аудитория при этом расширялась: первым делом к нам присоединился Дима. Он редко участвовал в наших научных спорах, но охотно вовлекался в обсуждение общих проблем, всех нас тогда горячо волновавших: Солженицын, Синявский и Даниэль, публикации "Нового Мира", "самиздат", Белинков, Стругацкие, Булгаков, анекдоты, события в Чехословакии.

— Присоединялись иногда к нам и старшекурсники кафедры, одноклассники Чмырёва - Гена Гавриленко, Юра Владимиров, и ребята помладше - Сева Орлов, Володя Барсуков. Когда Б.Е. переехал в Апатиты и его место на кафедре занял Михаил Иванович Пудовкин, с ним появилась "Свет Санна" Зайцева (Светлана Александровна), Пудовкин взял на кафедру Ларису Зеленкову (бывшую Бахур, мою одноклассницу по Песочной и Сашенькину подругу по экспедиции), - все они тоже были любителями обсуждений животрепещущих вопросов общественного бытия, но чаще всего наши беседы велись в традиционном составе - Славик, Димуля, я, Юра и Виталик, причём трое первых "спелись" ещё в экспедиции, когда велись баталии вечерами у костра.

— Позже, когда Ляцкие уехали в Лопарскую, Мальцев в Апатиты, Чмырёв в Ладушкин, я кочевал между Ладушкиным, Ленинградом и Апатитами, а Димуля оставался на кафедре, наш дискуссионный клуб, как ни странно, не развалился, хотя состав его стал переменным, в зависимости от места встречи. То Ляцкий появится на кафедре, а там мы с Димулей; то я в Апатитах, а там Юра, да и Ляцкие часто туда приезжали из Лопарской; то в Ладушкине мы с Чмырёвым заводим любимые разговоры. Так что содержание этих разговоров, о котором пойдёт речь ниже, не относится только к первой половине 1967-го года, когда все мы жили в Ленинграде и каждый день встречались на кафедре, в библиотеке, в кофейнях, собираясь обычно в конце рабочего дня в лекционной аудитории и засиживаясь там за этими разговорами до позднего вечера, а ко всему периоду моей учёбы в аспирантуре, то есть к трёхлетию с 1967-го по 1969-й год.

— К началу этого периода (до вторжения наших войск в Чехословакию) достиг пика подъём свободомыслия в советской литературе и вообще в среде советской интеллигенции, начавшийся с разоблачений культа личности Сталина и связанных с ним "нарушений социалистической законности", как стыдливо именовались в официальной прессе массовые репрессии Народного Комиссариата Внутренних Дел против советского народа, когда законность не нарушалась, а просто-напросто вообще игнорировалась.

— Джин свободомыслия полез из бутылки, приоткрытой Хрущ(вым на XX-м съезде партии, и зараза сначала медленно, а потом всё быстрее стала распространяться в неокончательно ещё затюканных головах. Почувяв, что к добру это не приведёт, власти спохватились и начали запихивать джина обратно: перестали публиковать Солженицына, арестовали Синявского и Даниэля за публикацию художественных произведений на Западе. Но Солженицын не унимался, продолжал писать свои "пасквили" и всякие открытые письма, и кончил тем, что по пагубному примеру Синявского и Даниэля стал публиковать свои произведения за границей, за что был сначала исключен из Союза Писателей, а затем изгнан из Союза ГСР. Посадить за решётку, а точнее, вернуть в лагерь, где он уже сживал, его, однако, не решились: слишком много поклонников Солженицын имел на Западе даже среди так называемой "прогрессивной" общественности, включая Генриха Бёлля.

— Критика в советских газетах "клеветнических" произведений Солженицына только разжигала к ним интерес, в машинописном виде они ходили по рукам, зачитывались до

лохмотьев. То же самое происходило с произведениями Синявского и Даниэля, которые записывали с передач "вражеских голосов" - "Голоса Америки", Би Би Си, "Свободы", "Немецкой волны" и распространяли самиздатом способом неизвестные борцы за свободу в Советском Союзе, диссиденты, как их стали позже называть.

— А в это время забурлила Чехословакия, где джин, выпущенный из бутылки, бушевал вовсю. На Съезде писателей ЧССР обсуждалось открытое письмо Солженицына Съезду советских писателей, оно сыграло немаловажную роль в развитии последующих событий в Чехословакии, где призыв Солженицына к свободе слова нашёл гораздо более благоприятную почву. В поддержку Солженицына и процесса либерализации в Чехословакии выступил отец советской водородной бомбы, трижды Герой Социалистического Труда, академик Андрей Сахаров, которого тогда ещё не решались публично клеймить.

— Этот бум относительного свободомыслия проявлялся не только в самиздатовских сочинениях и в крайних высказываниях Синявского и Даниэля, Солженицына и Сахарова, которые, кстати, и в своей крайности не затрагивали (в то время, во всяком случае) основ советского общества, а были направлены на его очищение от лжи и несправедливости.

— Фронтовик Василь Быков, пользующийся и поныне официальной благосклонностью, выступил на Съезде писателей Белоруссии с речью, близкой по духу к солженицынской, и, кстати, на год раньше (май 1966 г.).

— В защиту обвиненных в антисоветизме Голонскова, Гинзбурга, Добровольского и Ложковой к партийному и государственному руководству в феврале 1968 г. обратились 22 советских писателя, среди которых были Константин Паустовский, Вениамин Каверин, Фазиль Искандер, Василий Аксенов, Юрий Казаков и другие.

— Статьи Лакшина, Белинкова, Померанцева, Владимова, Рассадина, весь дух публикаций "Нового Мира" (один "Живой" Можаяева чего стоил, или "Созвездие Козлотура" Искандера!), возглавлявшегося Твардовским, - всё дышало критицизмом по отношению к твердолобости идеологических руководителей советского общества в прошлом и настоящем, оборачивавшейся экономическими и социальными провалами, нищетой крестьян, дети которых повально бежали в города, беспробудным пьянством рабочего класса, бездуховностью интеллигенции, коррупцией, взяточничеством, воровством у государства везде, где только можно было что-то украсть.

— Этим настроением способствовало, несомненно, начавшееся понемногу переиздание произведений талантливых советских писателей и поэтов 20-х и 30-х годов - Бабеля, Платонова, Зощенко, Булгакова, Ахматовой, Цветаевой, Мандельштама, Пастернака, ранних произведений Эренбурга, Шагинян, - произведений, находившихся долгое время если не под официальным запретом, то, во всяком случае, в официальном забвении.

— Настоящий взрыв произвела публикация в двух номерах журнала "Москва" (в ноябрьском за 1966 год и январском за 1967-й) романа Булгакова "Мастер и Маргарита", главного его произведения, увидевшего свет лишь через 26 лет после смерти автора. Незадолго перед этим переиздаются "Белая гвардия" и "Театральный роман", сурово осуждённые критикой в своё время. Появление этого потока публикаций сулило надежды на ослабление цензуры и большую терпимость к литературному творчеству, выходящему за рамки "соцреализма", то есть приближающемуся к реализму обыкновенному.

— Однако суровые приговоры Синявскому и Даниэлю (7 и 5 лет заключения с последующей ссылкой), исключение из СП Солженицына, нападки в центральной прессе на распоясавшихся чехословацких писателей показывали, что власти не намерены совсем бросать вожжи и позволять писателям писать как им вздумается.

— Произведения упомянутых выше авторов и были, естественно, главным предметом наших обсуждений. Славик, например, чуть ли не выше всех ставил Солженицына, с чем мы с Димой категорически не соглашались отдавая приоритет Булгакову. Прочтение "Мастера и Маргариты" толкнуло к чтению всего, что было написано Булгаковым. Из

недр Горьковки были извлечены издания 20-х годов: журнал "Россия", где были напечатаны "Записки на манжетах", сборник "Дьяволиада" (издательство "Недра"), где были собраны "Дьяволиада", "Роковые яйца" и ещё что-то.

— Всё это копировалось на плёнку и печаталось затем на фотобумаге прямо на кафедре, в маленькой кафедральной фотолаборатории, находившейся под заведованием Димули, в двух-трёх экземплярах для особо желающих иметь у себя эти ранние произведения.

Неизвестно откуда появилось в машинописном виде "Собачье сердце" того же Булгакова, то к одному, то к другому из нас каким-то образом ("кто-то дал почитать, а я перепечатал") попадали самиздатовские рукописи; некоторые из сохранившихся у меня я привожу здесь.

— Ну, что новенького? - задавался традиционный вопрос при встрече кого-либо из нас в кофейне.

— Да вот, дали почитать...

— Ну-ка, ну-ка, покажи. А ты читал в последнем "Новом Мире"...?

— А ты "Улитку на склоне" читал Стругацких, вторую часть, в "Ангаре" напечатано? - и т.д.

— Не только "Новый Мир", но и такие периферийные журналы как "Заря Востока", "Ангара", "Байкал" печатали на своих страницах интересовавших нас авторов, и ничто из напечатанного не проходило мимо нас.

— Конечно, никаких особо новых социально-политических идей или воззрений в прочитанном мы не находили, мы просто наслаждались талантливой, подчас остроумной формой закамouflированного или открытого изложения убеждений, которые разделяли.

— "Свобода слова - да, цензура - нет! Демократия - да, тоталитаризм - нет!" - вот их краткая суть.

([продолжение следует](#))